

и всѣ толстовцы, надъ этимъ страшнымъ словомъ,—вы скоро насытитесь ею и погрузитесь въ нее на всю (если не покаетесь) вѣчность; графъ всѣхъ хочетъ вовлечь въ нее, какъ сатана, всѣхъ лишитъ Того, Кто одинъ можетъ избавить отъ нея, какъ сказано: убойтесь Того, Кто по убіеніи можетъ воврещи въ дебрь огненную, ей, глаголю вамъ, Того убойтесь (Мѡ. 10, 28). И такъ, по плодамъ этого безбожника, этого ругателя всего христіанскаго человѣчества, вы узнаете, кто онъ. Это—антихристъ,—это звѣрь, вышедшій изъ бездны (Откр. 11, 7), съ десятью рогами (Откр. 13, 1), бодущій на всѣ четыре стороны, на всѣ страны свѣта, чтобы, если можно, хоть нѣкоторыхъ ввести въ нее съ собою на всю вѣчность.—Если бы хоть немного вкусилъ графъ плодовъ Христовой вѣры, онъ никогда бы не сталъ такъ издѣваться надъ нею и надъ нами,—но онъ, какъ видно, ни на часъ не былъ истиннымъ христіаниномъ и всегда былъ безбожникомъ. Невольно даюся я диву, какъ въ Россіи могла появиться эта змѣя, полная яда смертоноснаго,—подивись небо, подивитесь всѣ Ангелы Божіи и всѣ Святые человѣки, какъ могъ русскій графъ сдѣлаться сосудомъ сатаны и принять въ себя всю полноту его, все его отступничество отъ Бога, всю вражду его на Бога и на вѣрующихъ въ Бога.

* * *

Какъ древніе софисты, философы обратили даръ слова, долженствующаго выражать истину,—обратили въ игру словъ, называя бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, или добродѣтель называя грѣхомъ, а грѣхъ добродѣтельною, такъ и Левъ Толстой потерялъ всякое уваженіе къ слову и къ истинѣ, и правдѣ, и свой писательскій талантъ обратилъ въ игру словами, мало того—на самое дерзкое, сатанинское богохульство; да еще и самого сатану превозшелъ: ибо сатана вѣритъ въ Бога и тренешеть Его (Іак. 2, 19),—и бѣсы вѣровали въ Иисуса Христа и признавали Его громко Сыномъ Божіимъ (Лук. 4, 34), а Толстой не вѣритъ въ Сына Божія и смѣется надъ Евангельскою